

УДК 111

DOI: 10.34670/AR.2025.62.22.001

Форма жизни: понятие границы

Сыскова Марина Дмитриевна

Аспирант кафедры политологии и философии,
Сургутский государственный университет,
628412, Российская Федерация, Сургут, просп. Ленина, 1;
Лаборант кафедры социальной философии,
Уральский федеральный университет им. первого президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: syskova1998@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию понятия границы в двух онтологиях Л. Витгенштейна, представленных в ранний и поздний период его творчества: онтологии как логике и онтологии форм жизни. Автор выделяет основные особенности, функции границы в этих двух онтологиях. Главная идея статьи заключается в поликонтекстуальности границ, в ее интерпретации в зависимости от конкретных форм жизни, от используемых ими дифференциаций. Данная идея аргументируется в двух частях статьи. В первой части статьи понятие границы рассматривается в рамках онтологии как логики, в которой она выступает как разделительная линия между миром фактов и сферой метафизического, в частности этического. Этому разделению соответствует различие осмысленных и бессмысленных предложений. Осмысленные предложения обозначают факты, а бессмысленные (метафизические, религиозные, этические и др.) мы должны обходить молчанием, ведь, то, о чем они повествуют, лежит за пределами мира и языка. Субъект понимается как «граница мира», который не принадлежит ему, но является условием его существования. Во второй части статьи понятие границы анализируется в онтологии форм жизни. В статье утверждается, что в онтологии форм жизни статус границы пересматривается: она становится подвижной, имеющей множество значений и функций в зависимости от конкретных языковых игр и форм жизни. Граница понимается не как то, что жестко разделяет две области фактов и метафизики, а как порог, опыт пребывания вовне, точка схождения многих миров, форм жизни, условие возможности коммуникации. Деление предложений на осмысленные и бессмысленные также переосмысливается. Бессмысленные выражения – это те, которые, во-первых, рассматриваются вне контекста, во-вторых, не отвечают условиям релевантности контексту. В статье делается вывод о событийном характере поликонтекстуальных границ форм жизни. Подобное понимание границы предвосхищает определенную направленность онтологических исследований в современной философии.

Для цитирования в научных исследованиях

Сыскова М.Д. Форма жизни: понятие границы // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2025. Том 14. № 9А. С. 3-11. DOI: 10.34670/AR.2025.62.22.001

Ключевые слова

Витгенштейн, онтология, форма жизни, граница, язык, мир, логика, способ бытия, поликонтекстуальность.

Введение

Понятие формы жизни становится актуальным в современной философии в связи с обновлением онтологии. Оно призвано показать целостность, нередуцируемость к чему-либо, множественность. Решающий вопрос в этом контексте заключается в обозначении границы формы жизни, ее значения и статуса. Одним из философов, развивавших понятие форм жизни, является Л. Витгенштейн. В данной статье мы рассмотрим трансформацию понятия границы, исходя из двух онтологий, которые присутствуют в творчестве Витгенштейна: онтологии как логике и онтологии форм жизни. Основная идея состоит в поликонтекстуальности границы, в ее трактовке в зависимости от конкретных форм жизни. Эта идея аргументируется в двух частях статьи. В первой части статьи понятие границы рассматривается в контексте онтологии как логики. Во второй части показывается трансформация понятия границы в связи с изменением онтологии в поздних работах Витгенштейна.

Понятие границы в онтологии как логике

В «Логико-философском трактате» граница понималась как то, что жестко разграничивает две области: с одной стороны, мир, выразимого (предложения, имеющие смысл), а с другой стороны, сфера этического, невыразимого (бессмысленные предложения). Во Введении к трактату мы встречаем следующий отрывок, раскрывающий это разделение: «...замысел книги – провести границу мышления, или, скорее, не мышления, а выражения мысли: ведь для проведения границы мышления мы должны были бы обладать способностью мыслить по обе стороны этой границы (то есть иметь возможность мыслить невыразимое). Такая граница поэтому может быть проведена только в языке, а то, что лежит за ней, оказывается просто бессмыслицей» [Витгенштейн, 1994, с. 3]. Мир состоит из фактов, а последние – из объектов. Язык является репрезентацией мира, соотносится с ним благодаря логической форме. Последняя и есть единство языка и мира. Язык состоит из имен и предложений, которым соответствует разделение на простое и сложное как на уровне мира, так и на уровне языка. На уровне мира простое – это объекты, а сложное – это факты, которые из них состоят. На уровне языка простое – это имена, которые соответствуют объектам (имена как ярлыки), сложное – это предложения, которые отражают факты, существующие в мире. Простое понимается как предел анализа, а сложное – как то, что состоит из нескольких элементов.

Как мы уже писали, Витгенштейн разделяет две сферы: сферу мира, состоящего из фактов и выражаемую с помощью языка, которую мы можем проверить на истинность посредством его логического анализа, и сферу этического, избыточного, невыразимого, которая является бессмысленной, так что исключает возможность ее проверки на истинность. Сфера избыточного и невыразимого всегда присутствует как другая сторона всего определенного, сама всегда оставаясь недостижимой. Все последующие различения основаны на предположении о существовании исходного разделения двух сфер. Отсюда в соответствии с этим разделением выделяются осмысленные и бессмысленные предложения. Иначе говоря, предложения, которые

мы можем соотнести с реальностью, проверить их истинность, имеют смысл. Это предложения науки. Бессмысленные предложения не соответствуют этим критериям, т. е. это выражения, повествующие о вещах, которые мы не можем позитивно наблюдать в мире. Это могут быть как предложения, содержащие в себе ошибки, так и предложения этики, эстетики, метафизики, религии, которые мы не можем проверить на истинность или ложность. Предложения науки описывают контингентные факты, которые могут происходить или не происходить, поэтому они являются однородными, равнозначными. О сфере этического мы должны молчать, поскольку то, о чем она повествует, обладает высшей ценностью. Этическое, невыразимое лежит за пределами мира, является одним из условий его существования.

На первый взгляд, может возникнуть впечатление, что то, о чем повествуют бессмысленные предложения, не вызывает интереса. Но, как мы полагаем, это ложное впечатление. Весь «Трактат» подводит читателя к пониманию мира как целого, к «правильному видению мира». Так, в одном из писем к Л. Фиккеру Витгенштейн пишет о «Логико-философском трактате» следующее: «...моя работа состоит из двух частей – из той, что находится перед вами, и той, которую я *не написал*. И именно эта вторая часть самая важная. Моя книга как бы проводит границы этического изнутри; и я убежден, что оно *строго* ограничивается ТОЛЬКО так. Короче, я полагаю, что всё то, о чём многие сегодня болтают, я устанавливаю в своей книге тем, что я об этом молчу» [Витгенштейн, 2018b, с. 318–319].

Философия – это работа на границе между миром и областью смыслов, выразимым и невыразимым, философия изнутри языка задает границу мыслимому и выразимому. Л. Витгенштейн пишет: «Мысли, обычно как бы туманные и расплывчатые, философия призвана делать ясными и отчетливыми» [Витгенштейн, 1994, с. 24 (4.112)]. Иначе говоря, это определение того, что выразимо, а что невыразимо, о чем необходимо молчать. С таким пониманием философии связана его трактовка субъекта.

Субъект, согласно Витгенштейну, является границей между миром (определенным и выразимым в языке) и этическим (неоформленным и невыразимым). Он не принадлежит миру, но выступает в качестве условия его существования. Субъект, как глаз, фиксирует факты, происходящие в мире, и описывает их с помощью языка. В.А. Суровцев в точности выражает это пограничное положение субъекта: «Образ мира даёт мне *мой* мир. Мир, который я обнаруживаю как *мой* мир, указывает на *Я* фактом своей приватности, а не тем, что *Я* обнаруживается в нём как его часть или вне его, как то, что ему противостоит. *Я* дано миром в целом демонстрацией того, что мы не можем превзойти границы того образа мира, который создали. И если философское *Я*, “метафизический субъект” имеет смысл, то о нём можно говорить как о том, что показано наличием такой границы. В этом случае субъект есть граница мира» [Суровцев, 2021, с. 276].

Таким образом, опираясь на область этического, где все устойчиво и постоянно, он наделяет смыслами все происходящее в мире, которое является контингентными и временными. В.В. Бибихин в своем курсе лекций «Витгенштейн: смена аспекта» часто говорит о границе в контексте онтологии события: «Называя слово границей, надо иметь в виду не границу, образованную соседством двух готовых вещей, а ту опережающую события границу, которая сама найдет, что от чего отделить. Мы можем называть эту границу просветом или молнией, думая о молнии и огненном логосе Гераклита и о событии (Ereignis) как проблеске у Хайдеггера. Вещь, мысль и слово связаны между собой светом» [Бибихин, 2005, с. 308].

Рассуждения Витгенштейна о субъекте исходят из онтологической трактовки сознания, согласно которой оно встроено в структуру бытия, неотделимо от него. Из этого следует, что,

во-первых, классическое противопоставление реальности и сознания лишается смысла, во-вторых, невозможно выйти за пределы мира и мыслить его со стороны, в-третьих, сознание обладает статусом объективной реальности в качестве формы ее выражения, в-четвертых, анализ сознания отныне будет означать не самосознание, а анализ предметностей, в которых оно воплощается.

В силу онтологизации сознания может возникнуть впечатление, что Витгенштейн придерживается позиции солипсизма. Но у Витгенштейна обнаруживается более сложное содержание по этому вопросу. Так, он пишет: «Здесь видно, что строго проведенный солипсизм совпадает с чистым реализмом. “Я” солипсизма сжимается до непротяженной точки, остается же соотнесенная с ним реальность» [Витгенштейн, 1994, с. 57 (5.64)]. При таком положении совпадают два полюса: солипсизм (как крайний субъективный идеализм) и чистый реализм (как направление, признающее существование объекта в реальности, каким он есть на самом деле, объективно). Непротяженной точкой здесь является метафизический субъект. Из этого следует, во-первых, то, что он полностью обезличен, из него убрано все психологическое и физиологическое, ведь это принадлежит миру, а, следовательно, является случайным. Витгенштейн пишет в «Дневниках 1914–1916»: «Физиологическая жизнь – это конечно не "жизнь". Не является таковой и психологическая жизнь. Жизнь – это мир» [Витгенштейн, 2018а, с. 131]. Во-вторых, у него отсутствует саморефлексия, иначе бы это предполагало выход за пределы мира, что невозможно. Субъект является границей мира, фиксирует факты, происходящие в мире (но сам себя увидеть он не может), оформляет их с помощью языка. Из этого следует, что опыт не является априорным. Субъект может наблюдать любые факты, менять свое зрительное поле. Как замечает Суровцев В.А.: «Философское Я у Витгенштейна безлично, так же как безлично, например, трансцендентальное единство апперцепций у Канта. Солипсизм *ЛФТ* имеет трансцендентальный характер, где метафизический субъект никак не связан со случайным содержанием мира, но обозначен как его необходимая граница» [Суровцев, 2021, с. 281].

При таком пограничном положении субъекта становятся возможными философия, этика, эстетика. Ведь, по мнению Витгенштейна, две последние являются трансцендентальными, лежащими за пределами мира, в области «невыразимого». То есть логика и этика равнозначны (обе трансцендентальны) в том смысле, что логика изнутри оформляет мир, а этика снаружи. Иначе говоря, логика обозначает границу мыслимому, а этика указывает на то, «о чем следует молчать», невыразимое. Таким образом, субъект как граница разделяет эти две области и одновременно соприкасается с ними, принадлежит им.

Понятие границы в онтологии форм жизни

Известно, что в поздний период своего творчества Витгенштейн отходит от онтологии как логики, от идеи построения идеального языка и начинает развивать онтологию форм жизни, идею поликонтекстуальности [Jaeggi, 2018, p. 321]. Если в ранний период своего творчества Витгенштейн полагает, что только благодаря языку мы можем показать или выразить – но не описать напрямую – форму мира или форму жизни, разделяющую с языком определенную логику или сущность, то в поздних своих работах он постулирует нередуцируемость форм жизни к языку и языковым играм: формы жизни представляют собой имманентный способ бытия, определяющим мышление и деятельность, за пределами которого люди не могут существовать [Сыскова, 2024; Jaeggi, 2018, p. 329].

В связи с изменением онтологии меняется и само понимание границы. Для прояснения этого изменения рассмотрим два утверждения Витгенштейна: «Границы моего языка означают границы моего мира» [Витгенштейн, 1994, с. 56 (5.6)] и «Я есть мой мир. (Микрокосм.)» [Витгенштейн, 1994, с. 56 (5.63)]. Эти два положения можно истолковать как солипсически, так и поликонтекстуально. С одной стороны, может возникнуть впечатление, что границы языка каждого субъекта обозначают исключительно его мир, несводимый к чему-то другому. Но, с другой стороны, поскольку существует «мой язык» и «мой мир», то должны быть другие языки, другие миры, формы жизни. Эти два утверждения несут в себе возможность множественной онтологии, которую Витгенштейн и развивает в своих поздних работах. Граница в таком случае понимается не как предел, который ограничивает субъекта его миром и языком, а как порог, точка контакта, место встречи нескольких миров, форм жизни. Граница сдвигается при каждой попытке перешагнуть ее с помощью новых идентификаций и различий. Иначе говоря, граница обозначает опыт пребывания вовне, обращенность субъекта к другим людям, другим мирам. Это, собственно, мы видим в «Философских исследованиях», где Витгенштейн уходит от рассмотрения языка и мира одного человека, идеального языка науки и исследует повседневный язык, особенности коммуникации, понимания между людьми и т.д.

Подобная трактовка границы становится, как мы полагаем, решающей в современной философии и задает определенную направленность онтологических исследований [Jaeggi, 2018, pp. 337–338]. Ограничимся двумя примерами: понимание границы как порога, опыта пребывания вовне мы обнаруживаем у таких авторов, как Дж. Агамбен и Ж.-Л. Нанси. Так, Агамбен объясняет границу между внутренним и внешним: «Здесь важно то, что понятие “вовне” во многих европейских языках выражается словом, означающим “у дверей” (fores на латыни – это дверь дома, греческое theraten буквально означает “у порога”). Вовне – это не другое пространство, расположенное по ту сторону этого пространства, а арка прохода, то внешнее, что и открывает к нему доступ – словом, его лик, его eidos. В этом отношении порог не есть нечто иное по отношению к пределу, он, так сказать, и есть опыт самого предела, бытие-внутри самого вовне» [Агамбен, 2008, с. 63]. Последнее предложение, которое определяет порог как «бытие-внутри вовне», может быть истолковано как еще один способ выражения постоянного пребывания вовне и стремления к чему-то другому, собственно, экзистенции.

Нанси хорошо показывает, как понятие границы возникает также в другом философском контексте необходимости переосмысления фундаментальной онтологии, а вместе с ней и экзистенциальной аналитики М. Хайдеггера, исходя из концепта бытия-с (Mitsein) как пребывания на пределе, где внешнее и внутреннее даны одновременно. «"С", "со" или "со-обща", очевидно, не значит ни "одни с другими", ни "одни вместо других". Оно подразумевает наличие внешнего... Но это последнее не означает просто "находиться рядом", "быть рядоположенным". Логика этого "со" – со-бытия, Mit-Sein, которое, по Хайдеггеру, является во времени коррелятом Dasein, – представляет собой уникальную логику, логику внутренне-внешнего. Такова, вероятно, логика сингулярности вообще: логика того, что не располагается полностью ни в области чисто внутреннего, ни в области чисто внешнего» [Нанси, 1991, с. 96].

Если в онтологии как логике граница разделяла две сферы выразимого и невыразимого, то теперь Витгенштейн переосмысляет ее функцию. По сути, он критикует свою позицию времен «Логико-философского трактата». Он пишет в § 499 «Философских исследований» следующее: «Сказать “Эта комбинация слов бессмысленна” значит исключить ее из сферы языка и таким образом ограничить владения языка. Но когда проводят границу, цели могут быть совершенно различными. Если я окружаю участок забором или линией или как-то еще, цель может состоять

в том, чтобы помешать кому-то войти или выйти; но это также может быть часть игры, и от игроков, скажем, требуется перепрыгивать границу; или она может показывать, где заканчивается собственность одного человека и начинается собственность другого; и так далее. Итак, если я провожу границу, нельзя сказать, для чего именно я ее провожу» [Витгенштейн, 2018с, с. 209]. Иначе говоря, в этом фрагменте он показывает, что понятие границы, как и любое другое слово, в зависимости от контекста имеет бесконечное количество значений и функций. Зачастую мы даже сами можем не подозревать о том, зачем провели, обозначили ту или иную границу.

В соответствии с этим изменением трактовка бессмысленных предложений принимает другой вид. Бессмысленными выражениями являются те, которые мы, во-первых, вырвали из контекста, рассматриваем вне него, во-вторых, те, которые в данном контексте могут восприниматься бессмысленными, а в другой языковой игре, форме жизни тем не менее обладать смыслом. В первом случае, по мнению Витгенштейна, бессмысленными выражениями являются те, которые вырваны из контекста и рассматриваются сами по себе. Все философские проблемы возникают из-за такой ошибки. Это происходит в случаях, когда, например, мы задаемся вопросами: «что такое сущее?», «что такое справедливость?» и т.д. Здесь вспоминается известное рассуждение Августина Блаженного из «Исповеди»: «Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю» [Августин, 2019, с. 226]. Слово «мертво», бессмысленно, будучи изъятым из контекста, языковой игры, жизни, т.е. когда мы пытаемся найти его общее значение, подходящее под все случаи употребления. Но это невозможно, поскольку существует бесчисленное множество контекстов, языковых игр, в которых оно может употребляться, и мы попросту не можем охватить их все, выделить то общее, что присуще всем случаям. В «The Big Typescript» Витгенштейн размышляет о размытости понятий следующим образом: «Использование слов “игра”, “предложение”, “язык” и т.д. имеет неопределенность, присущую обычному употреблению всех слов-концептов в нашем языке. Поэтому полагать, что они бесполезны или, во всяком случае, идеально не соответствуют своему назначению, – все равно что сказать: “Свет моей лампы бесполезен, потому что никто не знает, где он начинается и где заканчивается”. Если я захочу провести четкие границы в области (такого) неопределенного языкового использования, чтобы прояснить ситуацию и избежать недоразумений, то резко разграниченные области будут соотноситься с реальным использованием языка как контуры рисунка пером и чернилами – с постепенными переходами цветовых пятен в изображенной реальности» [Wittgenstein, 2005, pp. 56–56e].

Кроме того, выражения становятся бессмысленными, когда они не отвечают условиям релевантности контексту их применения. То, что истинно в одном контексте, не обязательно соответствует тому, что имеет место или считается истинным в другом. По поводу этого второго случая и тех трудностей, которые он за собой влечет, Витгенштейн в § 520 «Философских исследованиях» пишет: «...и когда философия искушает нас счесть нечто совершенно бесполезное суждением, нередко так бывает потому, что мы недостаточно рассмотрели его применение» [Витгенштейн, 2018с, с. 213–214]. В § 508 он приводит в качестве примера предложения, которые могут выглядеть следующим образом: «a b c d». На первый взгляд, может показаться, что это бессмысленный набор знаков. Однако мы можем представить, что есть определенная форма жизни, где это предложение является частью языка, которое может обозначать: «Сегодня погода просто чудесная». В таком случае мы видим, как эти символы из бессмысленного набора букв превращаются в предложение, имеющее смысл. Поэтому любое

выражение, которое мы не понимаем, которое кажется нам бессмысленным, может что-то означать. Но его значение появляется в языковой игре, которой мы не владеем, в форме жизни, к которой мы не принадлежим. Следовательно, существуют различные области, перспективы и возможности применения и оценки выражений на предмет их соответствия контексту.

Заключение

На основе результатов анализа мы можем сделать вывод о существовании двух представлений о границе в философии Витгенштейна. Они исходят из двух его онтологий: онтологии как логики (основные ее моменты представлены в «Логико-философском трактате») и онтологии форм жизни (философ придерживается ее в поздних произведениях – «Философских исследованиях», «Голубой и коричневой книгах» и др.).

В онтологии как логике граница жестко разделяет две сферы: мир и этическое, выразимое и невыразимое. Отсюда разделение высказываний на осмысленные и бессмысленные. Задача философии заключается в работе на границе, т.е. обозначении того, о чем можно говорить (факты мира) и о чем следует молчать (этика, эстетика, религия, метафизика). С таким пониманием философии связано и положение субъекта – он является той границей, которая разделяет собой мир и этическое.

Понятие границы в онтологии форм жизни, которое разрабатывается в поздних работах Витгенштейна и предвосхищает основную направленность ее трактовки в современной философии, теряет свое привычное значение разделительной линии между двумя областями. Отныне граница трактуется поликонтекстуально, т.е. ее статус и значение будут зависеть от контекста. Формы жизни используют совершенно разные дифференциации в зависимости от того, описывают ли они себя с точки зрения религии, этики или науки. Поэтому снимается жесткое противопоставление высказываний, имеющих смысл, и бессмысленных, ведь любое выражение может обрести значение в той или иной языковой игре и форме жизни. Если нечто нам показалось бессмысленным, то либо мы недостаточно рассмотрели его применение, либо вырвали из контекста и пытаемся выявить его универсальное значение. Отсюда следует, что граница понимается поликонтекстуально. Иначе говоря, с ее изменением меняется и форма жизни, значение выражений. Граница не закрывает, а позволяет выйти к другим мирам, формам жизни, осуществляет их коммуникацию. Поликонтекстуальная граница событийна, т.е. реконструируется каждый раз формой жизни.

Библиография

1. Августин Блаженный. Исповедь / пер. с лат. М. Е. Сергеенко; вступит. ст. А. В. Маркова. М.: РИПОЛ классик, 2019. 416 с.
2. Агамбен Дж. Грядущее сообщество / пер. с ит. Дм. Новикова. М.: Три квадрата, 2008. 144 с.
3. Биbihин В. В. Витгенштейн: смена аспекта / В. В. Биbihин. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 576 с.
4. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы. Часть I. М.: Гнозис, 1994. С. 1–73.
5. Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916 / пер. с нем. и общ. ред. В.А. Суровцева. // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018а. С. 29–148.
6. Витгенштейн Л. Из писем Витгенштейна к Л. Фиккеру (1919–1920) / под общ. ред. В. А. Суровцева // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018б. С. 318–321.
7. Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. Л. Добросельского. М.: Издательство АСТ, 2018. 352 с.
8. Нанси Ж.-Л. О со-бытии // Философия Мартина Хайдеггера и современность / отв.ред. Н.В. Мотрошилова и др. М.: Наука, 1991. С. 91–102.

9. Суровцев В.А. Автономия логики: Источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна. М.: ЛЕНАНД, 2021. 312 с.
10. Сыскова М.Д. Две онтологические ориентации в философии Л. Витгенштейна // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Т. 13. № 8А. С. 3–9.
11. Jaeggi R. On the Critique of Forms of Life / Trans. C. Cronin. Cambridge: Harvard University Press. 2018. 395 p.
12. Wittgenstein L. The Big Typescript: TS 213: German-English scholars edition. / eds. C.G. Luckhardt, M.A.E. Aue. Oxford : Blackwell Publishing, 2005. 1056 p.

Form of Life: The Concept of Boundary

Marina D. Syskova

Graduate Student,
Political Science and Philosophy Department,
Surgut State University,
628412, 1, Lenina ave., Surgut, Russian Federation;
Laboratory Assistant of Social Philosophy Department,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
620002, 19, Mira str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: syskova1998@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the concept of boundary in two ontologies of L. Wittgenstein, presented in the early and late periods of his work: ontology as logic and ontology of forms of life. The author identifies the main features and functions of the boundary in these two ontologies. The main idea of the article is the polycontextuality of boundaries, their interpretation depending on specific forms of life and the differentiations they use. This idea is argued in two parts of the article. In the first part, the concept of boundary is considered within the framework of ontology as logic, where it acts as a dividing line between the world of facts and the sphere of the metaphysical, particularly the ethical. This division corresponds to the distinction between meaningful and meaningless propositions. Meaningful propositions denote facts, while meaningless ones (metaphysical, religious, ethical, etc.) we must pass over in silence, because what they narrate lies beyond the world and language. The subject is understood as the "boundary of the world," which does not belong to it but is the condition of its existence. In the second part of the article, the concept of boundary is analyzed in the ontology of forms of life. The article argues that in the ontology of forms of life, the status of the boundary is reconsidered: it becomes mobile, having multiple meanings and functions depending on specific language games and forms of life. The boundary is understood not as something that rigidly separates two areas of facts and metaphysics, but as a threshold, an experience of being outside, a point of convergence of many worlds and forms of life, a condition for the possibility of communication. The division of propositions into meaningful and meaningless is also rethought. Meaningless expressions are those that, firstly, are considered outside of context, and secondly, do not meet the conditions of relevance to the context. The article concludes about the event-based nature of polycontextual boundaries of forms of life. Such an understanding of the boundary anticipates a certain direction of ontological research in contemporary philosophy.

For citation

Syskova M.D. (2025) Forma zhizni: ponyatie granitsy [Form of Life: The Concept of Boundary]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 14 (9A), pp. 3-11. DOI: 10.34670/AR.2025.62.22.001

Keywords

Wittgenstein, ontology, form of life, boundary, language, world, logic, mode of being, polycontextuality.

References

1. Avgustin Blazhennyi. (2007). *Ispoved'* [Confession] Moscow: RIPOL klassik. 416 p. (In Russian)
2. Agamben G. (2008). *Gryadushchee soobshchestvo* [The Coming Community] Moscow: Tri kvadrata. 144 p. (In Russian)
3. Bibikhin V.V. (2005). *Vitgenshtein: smena aspekta* [Wittgenstein: Change of Aspect] Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv.Fomy Publ. 576 p. (In Russian)
4. Jaeggi R. (2018). *On the Critique of Forms of Life*. Cambridge: Harvard University Press. 395 p.
5. Nancy J.-L. (1991). O so-bytii [On Being-In-Common]. In: *Filosofiya Martina Khaideggera i sovremennost'* [The Philosophy of Martin Heidegger and Modernity], Moscow, Nauka, 1991, pp. 91–102. (In Russian)
6. Surovtsev V.A. (2021). *Avtonomiya logiki: istochniki, genezis i sistema filosofii rannego Vitgenshteina* [Autonomy of Logic: Sources, Genesis, and System of Early Wittgenstein's Philosophy] Moscow: LENAND. 312 p. (In Russian)
7. Syskova M.D. (2024). Dve ontologicheskie orientatsii v filosofii L. Vitgenshteina [Two ontological orientations in L. Wittgenstein's Philosophy]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being]. Vol. 13, № 8A, pp. 3–9. (In Russian)
8. Wittgenstein L. (1994). *Tractatus Logico-Philosophicus* [Logiko-filosofskii traktat]. *Philosophical works. Part I* [Filosofskie raboty. Chast' I], Moscow, Gnozis, pp. 1–73. (In Russian)
9. Wittgenstein L. (2005). *The Big Typescript: TS 213: German-English scholars edition.* / eds. C.G. Luckhardt, M.A.E. Aue. Oxford: Blackwell Publishing. 2005. 1056 p.
10. Wittgenstein L. (2018a). *Dnevniky 1914–1916* [Notebooks 1914–1916]. In: *Dnevniky 1914–1916* [Notebooks, 1914–1916], Moscow, Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya», pp. 29–148. (In Russian)
11. Wittgenstein L. (2018b). Iz pisem Vitgenshteina k L. Fikkeru (1919–1920) [From Wittgenstein's letters to L. Ficker (1919–1920)]. In: *Dnevniky 1914–1916* [Notebooks, 1914–1916], Moscow, Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya», pp. 318–321. (In Russian)
12. Wittgenstein L. (2018c). *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Investigations], Moscow, Izdatel'stvo AST. 352 p. (In Russian)